

Галина Борисовна ПОНОМАРЁВА, доктор филологических наук
(Россия)

ОДНО НАПИСАННОЕ ЖИТИЕ ДОСТОЕВСКОГО

Речь пойдет о вставной новелле "Таинственный посетитель" в "Братьях Карамазовых", несущей в себе житийное начало, которое сводит с ней роман в целое, обнаруживает генетическую сердцевину последнего романа Достоевского. Перед нами "микрожитие великого грешника" парафразово соединяющее в себе житийный замысел /1869 г./ под таким названием, замысел "драмы" /1874 г./ о двух братьях и важнейшие и осуществленные в главных линиях "Братьев Карамазовых" мотивы.¹

Житийность Достоевского заявила о себе сильно и определенно во вторую половину 19 века, в пору зенита русского романа - с замыслом, который автор обозначил "житием", что имело для него неметафорический смысл. В самом деле, если обратиться к структурной сущности жития, как она обобщено определена М. Бахтиным/ "... житие святого - в Боге значительная жизнь"², то она узнаваема в житийном "великом грешнике" и нектоорых героях позднего Достоевского. Как житийная традиция могла быть им усвоена и привнесена в творчество? Отвергнем здесь сразу усвоение житийного канона, который к тому времени вошел в историю культуры как давно определившийся и застылый. Усвоение канона,

¹ Пономарева Г. Б. "Житие великого грешника" /структура и жанр/. Исследования по поэтике и стилистике/ Ред. акад. В.В. Виноградова, чл. - кор. АН СССР В.Г. Базанов, д-р филолог, наук Г. М. Фридлендер Л., Наука, 1972, с. 66-86.

Пономарева Г. Б. Житийный круг Ивана Карамазова. - В кн.: Достоевский, Материалы и исследования. Т. 9. Л., Наука, 1991 / АН СССР. Ин-т русской литературы /Пушкинский дом/ - с. 144-166.

² Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979. С. 161-162.

собственно, и не явление традиции, скорее, традиционализма, характерного для литературы средневековья. Как известно, при традиционализме господствует принцип усвоения опыта прошлого как нерасчлененной и целостной в структурном отношении данности, кстати, и приводящий к устойчивости канона. Относимый к одной из целостных художественных систем литературы средневековья, очень удаленной во времени, не актуализованной в читательском сознании, вне процесса литературной преемственности - он не был воспринят. Едва ли плодотворной была бы и стилизация жития и его канона-разве лишь оправданная какими-либо узкими литературными целями. Стилизация, прежде всего, придает условность стилизуемому явлению, является лишь откликом на него и не стремится по сути к его подлинности. В "Братьях Карамазовых", впрочем, некоторая житийная стилизация есть, но, как полагаем, не там и не в том смысле, как ее принято видеть.

Стилизован, например, под житие приведенный в романе рассказ Зосимы /"Из жития в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым"/, где больше житийной настроенности, нежели сущности. Сущностная же разработка образа Зосимы - через явление старчества и именно в исторически конкретной стадии его развития XIX в., в перипетиях монастырской жизни, в народных эпизодах, в судьбе Алешки Карамазова. Это разработка очень важного, но чисто романного лица, и не подводящего к себе общего сюжета и не стоящего на действительно житийной линии, какую мы ведем от "Жития великого грешника" к Мите, Ивану и Алеше Карамазовым. Итак, усвоение канона, стилизация какого-либо жития, предполагаемые нередко исследователями Достоевского, кажутся нам абсолютно необоснованными. Писателю мог открыться другой путь - претворение в самом общем и принципиальном смысле житийной традиции в условиях его романа; оставаясь на его почве, он и подступал к житийному замыслу и в синтезе с романом обновлял древний жанр, опираясь при этом на его возможности сосредоточиться на духовной судьбе человека и сохранить исходную меру личности - грех, преступление, подвиг.

У "великого грешника" не жизнестроительство и не просто жизнь, а выявление для себя ее наивысшей ценности, в Боге-даже через опыт "ниспровержения" Его /"полоса неверия в Бога"//9,132/³, в исследовании и экспериментах над собой и окружающими; абсолютизация жизненного самоопределения стала основой житийности героя Достоевского. "Падения и восставания" "великого грешника"

³ Ссылки на произведения Достоевского даются по изданию: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.т. Л., Наука, 1972 - 1989. Т. 1-30 /при цитатах указываются арабскими цифрами и том, и страницы/.

- залог преображения в нем человека, преображения в Боге. Испытания становятся подвижничеством. На пути же подвига стоит преступление - конечно, Достоевскому был близок тип кризисного жития. Признание "Великого грешника" в конце жизни, в совершенном в детстве убийстве - исповедь-событие, придающее итогово-ценностное оправдание всей его жизни. Жизнь и судьба "великого грешника" не вмещалась в нормы христианского праведничества, ничто не отделено в нем как земное от божественного. При этом его история раскрывалась не кончающейся проблемностью и незавершенностью человека, его бытия, что было стихией романа, и особенно романа Достоевского.

Повествователь в истории самоопределения Героя должен был быть предельно нейтрализованным, самоограничительным /вспомним традиционную в житиях смиренную его постановку/. Жизнь героя должна просматриваться целостно и неделимо - с точки зрения вечности, лишь так мерится ее ценность. Но в отличие от канонических житий есть в замысле и современность, в настоящее, переживаемое "великим грешником", привнесено и будущее, ведь он стоит на пути своего перерождения. Здесь ничто не может стать относительным и уходящим, каждая эпоха жизни переживается как выявление в себе "будущего человека" /"Все готовится беспрерывно к чему-то" /9, 133, 126/. Главные герои, три брата Карамазовы, вступают в решающий фазис своей жизни и троично множат собой "великого грешника", являясь каждый в его ипостаси. Митя восстает из "бури и беспорядка" всей своей жизни к самонаказанию и очищению, Иван обратил свою жизнь в сплошное самоиспытание идеей ниспровержения Бога, Алеша переживает помрачения и искусы, готовясь к всежизненному подвигу. Каждый из них вступил или идет по житийному пути, как "великий грешник", что не исключает некоторых канонических житий в значении контекста /*житие Ефрема Сирина* для Мити/ /*житие Алексия, божьего человека* для Алеши/ и ассоциативных связей образов. Но определяющей стала модель "великого грешника" - преступление и подвиг, и с перспективой духовного преображения / в образе Алеши она, правда, лишь обозначена/, и подчиняет связанные с ними основные повествовательные линии; это как бы выступающие в романе три жития. Но выделяя функциональность житийного начала в "Братьях Карамазовых", мы видим, что это произведение - роман, и роман прежде всего, где судьбы мира и человека в современном писателю или вневременном аспекте пережиты на уровне и накале духовного подвижничества. Что касается "драмы", от которой мы ведем начало "Братьев Карамазовых", как романа с новым сюжетом, героями и т.д. и где переплавлен жизненный материал - сибирская история "отцеубийцы от дворян", то она проявила существенную формально - содержательную, структурную зада-

нность будущему произведению. В истории о двух братьях на их путях преступления и подвига узнаются Митя и Иван Карамазовы, а также "таинственный посетитель". Одна из драматических сцен и положений: "День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит. Я убил. Думают, что удар. Конец: тот возвращен, этот на пересыльном. Его отсылают <...> "на правый путь ступил!" /17, 5-6/

Здесь на лицо уже известная по замыслу о "великом грешнике" модель. На "драме" и завязана внутритворческая житийная преемственность последнего романа Достоевского.

Все сказанное имеет существенное отношение к новелле "Таинственный посетитель". Что же мы видим в ней?

Это история пятидесятилетнего человека, совершившего преступление - убийство /любимой женщины/ и через четырнадцать лет объявившего о нем, добровольно приняв самонаказание публичной исповедью - покаянием. Она рассказана старцем Зосимой, входит в его "Житие" и записана Алешей Карамазовым. Таким образом, мы имеем при уже определившемся у Достоевского повествовательном строе, возможном как житийном, жизненный источник авторства жития, на который в свое время указал *В. О. Ключевский*: "Записывание воспоминаний или преданий о святом считалось... нравственной обязанностью учеников"⁵

Жанрово история "таинственного посетителя" выдержана вполне житием, с привнесением романских моментов: таково переживание "веяния времени" как "периода уединения" / "Все-то в наш век разделились на единицы", "отсутствие людской общей целостности" //14, 276/. Идея века соотнесена с житийной - "жизни-рая", и обе они переживаются во времени в настоящем, с включением будущего /"Когда заключится этот период уединения"/; итак, идея вечная включена во временной контекст. В "Таинственном посетителе" - Михаиле воплощена в том же значении, как у житийного "великого грешника", "великая сила". Сила характера, возможность определиться личности житийно очевидна в героях замысла "драмы" и в братьях Карамазовых.

Обратимся к некоторым сюжетным парафразам. Совершенное преступление подведено убийцей фактами /"с преступнейшим расчетом"/ под невинного /слугу/ - частичная парафраза главной истории романа и, возможно, "драмы". "А засим началось наказание" - страдание и требование души преступника самонаказания - в явной и очень сильной перекличке с "драмой", Митей и Иваном Карамазовыми. Решимость с принятием страдания /"Пострадать хочу. Приму страдание и жить начну"//14, 283/ на публичную исповедь - подвиг и вместе с тем мучительные колебания - в мотивах этих пе-

⁵ Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 384.

ресекаются и "Житие великого грешника", и "драма", и образы Ивана и Мити Карамазовых. Очистительное признание в несовершенном преступлении /хотел убить Зосиму как принявшего его признание в прошлом убийстве и тем ставшего его судьей/ - частичная парафраза, соотносимая с Митей и Иваном. Сам этот эпизод несовершенного преступления очень показателен с точки зрения житийного времени. "Целую минуту думал", - говорит Михаил Зосиме, и думал не о том, что ждет его после задуманного теперь нового преступления. т.е. не о продолжающемся и текущем, подчиненном инстинкту самосохранения. "Я только тебя ненавидел" /14,283/. Эта минута стала прояснением временной у житийного человека борьбы с дьяволом и победы Бога в душе.

Исповедь-признание в преступлении буквально повторено из "драмы". Приготовление к подвигу и вступление на праведный путь-обобщенная парафраза, особенно связывающая с Алешей Карамазовым, как с "великим грешником". Приготовление к подвигу сопровождается борьбой в мировоззренческом плане /"где тут правда?"/: людской суд, мнение и правда /"познают ли правду эту люди?"/ /14, 280/ и правда "высшая". Именно тогда кульминационно пережил Михаил свой великий кризис, разрешившийся в свете евангельской истины, которой напутствует его Зосима: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода" /*Евангелие от Иоанна*, гл. XII, ст. 24/ /14, 281/. Это евангельское изречение - эпитафия романа, чаще всего толкуемый как обновление через разложение, но, как видно, в преломлении историей "таинственного посетителя" имеет и такой смысл: обновление отданием всей жизни - этот смысл принимает, несомненно, весь роман "Братья Карамазовы". История "таинственного посетителя" с преступлением и подвигом, в целостном жизненном охвате - вполне житие, где переживание преступления стало: "страшно впасть в руки Бога живаго" /14, 281/.

Так эта вставная новелла скрестила житийные замыслы и во многом определившийся ими роман - как части целого, восстановила собой генетический источник, хотя в несколько схематичном, но целостном виде.

Заключивается история убийства Федора Павловича, но судьба братьев Карамазовых не предсказуема и не ясна в перспективе и с сюжетной развязкой. В роман входит, можно сказать, по принципу дополнительности, еще и засюжетная реальность, и она ощутима не только в эпилоге, который является, по справедливому наблюдению некоторых исследователей, наименее формальным концом произведения - из всех романов Достоевского, никогда по сути не претендующих на исчерпанность героев. Эта реальность переживается по ходу романа вообще, и, в частности, благодаря мо-

щному временному фактору: будущее в настоящем оказывается необходимым не только в самом главном сюжете, но и вовне и даже вопреки ему. Так, голландский ученый Ян Мейер тонко заметил, "что эпилог столько же заключает в себе будущего, сколько и предисловие"⁶. Герои "Братьев Карамазовых" живут во времени /очень сложном/, но переживая настоящее, чаще всего, момент, конденсирующий в себе и будущее, Митя, Иван, Алеша особенно, притом включены и в вечность - своими идеями, сгедо, ощущениями и т.д. Неотделимо от нее настоящее с будущим и как бы отражающее и вмещающее целую их жизнь и потому переживаемое с исключительным напряжением. Такое время в последнем романе Достоевского / и вставной новелле "Таинственный посетитель"/ - от действия в нем жития. Присутствие засюжетной реальности влияет на сюжет так, что он передислоцируется, и тем стремится к расширительному своему значению. Это возможно и с действием синтагматических /как и парадигматических/ связей, на что указывает американский комментатор "Братьев Карамазовых" В. Террас. Он ссылается на некоторые наблюдения ученых: так, Мэтлоу выводит множество несопоставимых, далеких между собой элементов романа, суммируемых во время суда, Белкнап отметил в романе не менее, чем двенадцать различных версий об убийстве⁷. А Н. Вильмонт справедливо отграничивает в романе область "бесконечных историй", относя к ней, в частности, вставную новеллу "Таинственный посетитель". Действительно, будучи прямо и прагматически не связана с историей убийства Федора Павловича, она как бы засюжетна и в то же время стала одной из кульминационных точек.

И только в этой точке романа /и шире - творчества Достоевского вообще / мы имеем итог пройденного от начала до конца пути через преступление и подвиг к преображению в Боге человека. Правда, главное внимание - авторское и читательское - поглощено братьями Карамазовыми, и мы оставляем их нерешенными в жизни и в проходимом житийном круге, но для нашего сознания важно, что где-то, в безбрежном человеческом океане, который дает ощутить роман, житие совершилось, состоялось. Это-то и несет собой новелла "Таинственный посетитель".

⁶ Meijer J. A Note on time in "Brat'ja Karamazovy". in: "The Brothers Karamazov" by F. M. Dostoevskij. Essays by Jan Der Eng, Jan M. Meijer. Dutch studies in Russian literature, Mouton, The Hague, Paris, 1971. P. 47.

⁷ Terras V. A Karamazov companion "Commentary on the Yenesicis. Language and Style of Dostoevsky's Novel. The University of Wisconsin Press, 1981. P. 104. /Printed in the United States of America/.

Др Галина Борисовна Пономарјова

ЈЕДНО НАПИСАНО ЖИТИЈЕ ДОСТОЈЕВСКОГ

(Резиме)

У расправи "Једно написано житије Достоевског" аутор разматра у глобалној структури "Браће Карамазова" корелације три компоненте: жанра *канонског житија*, начела *драме* (о убици који се јавно каје), и сижеа *романа*.

Код Достоевског се у структури романа шездесетих-седамдесетих година изразитије запажају особености житија, посебно у "Житију великог грешника", али такође и у биографијама неколицине ликова романеских тог периода стваралаштва: *Раскољникова* и *Ставрогина*.

Постављајући питање, како је житијни модел доспео у проседе Достоевског, аутор истиче да се не ради о усвајању *канонског житија*, које је било древна прошлост, окамењени жанр, изнова неактуализован и за читалачку свест друге половине XIX века, незанимљив. Чак није могло бити прихваћено ни опонашање стилизацији жанра. У "Браћи Карамазовима" има извесне стилизације житијне, али минимално и преосмишљене, у "Житију старца Зосиме", написаном Аљошом Карамазовим. Али и у њему је "више житијне атмосфере него суштине". Ово се поготову односи на Аљошу Карамазова. У суштини, обе житијне линије и експлиците и инплиците негирају канонску схему; уместо да после смрти тело Зосимино "излива мирисе", заударало је. А Аљоша смисао живота не види у затварању у зидине манастира и монашко подвизање, већ напушта манастир.

"Дакле, усвајање канона и стилизације житија, које достојевисти често претпостављају, апсолутно је неосновано".

Достоевски је остварио друго: опште принципе житијне традиције преобразио је и инкорпорирао у *структуру романа*. Преузета је стожерна компонента жанра: драматични пут личности - *живот, грех, подвиг рехабилитације*. Апсолутизација животног опредељења постала је основа извесне житијне биографије ликова Достоевског: "падање и устајање" је залога њиховог духовног преображаја.

У "Житију великог грешника" биографија се не разматра целовито, недељива и *са гледишта вечности*, као у канонском житију, већ се у њој укрштају *преживљено, савременост, и антиципација будућности*. А у "Браћи Карамазовима" мотив "великог грешника" се грана у три ипостасије: *Митја, Иван, Аљоша*. Први брат излази из своје "буре и нереда" на пут самоосуде и моралног очишћења.

Други брат је сав живот потчинио експериментисању идејом негације бога. Трећи брат доживљава искушења у фази припрема за велики жртвени подвиг љубави према људима, након напуштања манастирске ћелије. Модел који је одредио биће романа нису, дакле, канонска житија *Јефрема Сирина*, или *Алексеја божјег човека*, већ замисао Достојевског "Житија великог грешника", развијена у три фазе: грех, подвиг, перспектива моралног обновљења и новог живота.

Иако се, дакле, у структури "Браће Карамазова" на први поглед уочавају житија, у ствари, то је типски роман времена, у коме је судбине човека и света аутор сагледао истовремено у аспекту *савремености и ванвремености*.

Што се тиче "драме", она је нуклеус "Браће Карамазова", као романа са новим сижеом и ликовима у коме је претопљен материјал сибирске приче о "оцеубици племићу". Истовремено је изразила суштинску формално-садржинску и структурну усмереност и "циљност". Све казано односи се на новелу "Тајни посетилац", коју је испречао старац Зосима, а записао његов искушеник Алексеј Карамазов. Овде имамо код Достојевског готово традиционални *животни извор* ауторства житија, на који је скренуо пажњу историчар В.О. Кључевски: "Записивање спомена или предања о светитељу сматрало се духовном обавезом ученика".